

РЕЦЕНЗИИ

ЭО, 2009 г., № 5*

© С.А. Арутюнов. Уникальная картина жизни айнов 150 лет назад. Рец. на: Омская сенсация: Серия акварелей Бэзана Хирасава "Жизнь и обычаи айнов" из собрания Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля. М.: Интеррос, 2008. 92 с.

В соответствии с издательской программой "Интерроса" вышла в свет прекрасно оформленная книга "Омская сенсация".

Графика, т.е. рисунки тушью и акварелью, и цветные гравюры были, несомненно, самой популярной и распространенной формой изобразительного искусства в Японии XVIII–XIX вв. В зависимости от техники и сюжета этот жанр подразделяется на много направлений, одним из которых, относительно редким, были "айну-э", т.е. картинки из жизни айнов, аборигенного населения северного острова Хоккайдо, а отчасти и Сахалина и Курил, ведшего в основном еще охотничье-рыболовческий образ жизни и подвергавшегося эксплуатации и угнетению со стороны японских торговцев и чиновников. Необычный облик и первобытный образ жизни айнов интересовал и забавлял японских горожан "среднего класса", основных потребителей графической продукции, и этот интерес удовлетворяли художники, посещавшие или даже постоянно жившие на Хоккайдо и поднаторевшие именно в жанре "айну-э". Одним из последних и, безусловно, самым талантливым был Хирасава Бэзан (1822–1876). До наших дней дошло около 60 его произведений, среди которых выделяется серия из 12 рисунков, опубликованная в данной книге.

Эта серия из 12 акварелей была обнаружена при разборе и каталогизации обширной (свыше 3500 ед.) коллекции русской и зарубежной графики, которую ее собиратель, выдающийся геоботаник акад. Е.М. Лавренко (1900–1987) незадолго до своей кончины передал в Омский музей изобразительных искусств. Сведений о том, каким образом эти акварели попали в собственность Е.М. Лавренко, не сохранилось.

Из 92 страниц книги, имеющей формат 29×38 см, основными являются, естественно, с. 36–59, содержащие репродукции этих 12 акварелей и экспликации к ним. Акварели формата 21×32 см воспроизведены в натуральную величину, а акварели формата 24×41 см – в несколько уменьшенном виде. Остальной объем книги занимают статьи составителей экспликаций Б.А. Коникова и Г.А. Севастьяновой (Омский музей), посвященные истории находки и атрибуции рисунков Хирасава, статья проф. Огихара Синко (Университет Тиба, Япония), описывающая обстоятельства жизни и творчества Хирасава, и текст И.А. Карапетовой (РЭМ – Российский этнографический музей), содержащий подробные экспликации большого числа предметов айнского традиционной материальной культуры из обширных коллекций РЭМа. Предметы эти подобраны очень тщательно и дают читателю возможность увидеть и рассмотреть реальные аналоги практически всех предметов, изображенных на рисунках Хирасава.

Помимо публикации этих предметов, имеющей самостоятельную научную ценность, изобразительный ряд книги включает фрагменты рисунков Хирасава в увеличенном виде, что позволяет лучше разглядеть ряд существенных деталей; декоративные развороты, заполненные образцами айнского орнамента, главным образом на тканях; и, наконец, прекрасные фотографии, сделанные Б.О. Пилсудским в 1905 г., Киносита Сэйдзо в 1920 г., и более всего В.Н. Васильевым в 1912 г. Большинство этих фотографий публикуется впервые.

Воспроизведение зрительного материала выше всяких похвал. Что же касается содержательной части статей и экспликаций, то они написаны хорошим языком, информативны, находятся на высоком уровне и почти не вызывают нареканий. "Почти" – потому что некоторые недостатки все же имеются. К их числу я бы отнес непоследовательность в транскрипции японских имен. В российском японоведении существуют совершенно четкие правила транскрипции, но в книге

они иногда нарушаются – например, Шинко вместо Синко, Чибо вместо Тиба, да и само имя Бёзан правильное было бы писать как Бёдзан. Есть и опечатки: на с. 33 фактория (промысловый торговый пункт) названа васё, правильное было бы басё. Но это не очень существенно.

Гораздо существеннее другое. И.Б. Конилов вместе с Г.А. Севостьяновой и Огихара Синко признают, что “идея диалога цивилизаций отразилась (скорее всего, неосознанно) в работах Хирасава” (с. 31). Но рисунок Хирасава, с их точки зрения, прежде всего “удивительный памятник истории и культуры айнов”. “И мужчины, и женщины нарисованы не схематично, а реально, и можно сказать, с симпатией к ним” (с. 34.).

Все это верно, но недостаточно. Хирасава стремился к новаторству, к творческому поиску, и это выражалось не только в использовании импортной бумаги и красок или в работе по заказу иностранцев. Рассмотрение его картин говорит о вещах гораздо более глубоких. Время создания данных рисунков (и время наиболее активного творчества Хирасава) – это конец 50-х – начало 60-х годов XIX в. Это время открытия Японии для иностранцев, время явного упадка сегуната Токугава, время ожидания перемен, но “революция Мэйдзи” (1868 г.) и начало крутого обновления Японии пока еще впереди. Вот идет прививка от оспы. Мероприятие вполне в духе нового времени, но надзирают за работой врачей трое торжественно застывших чиновников в строго парадных костюмах феодальной поры.

Рядом галдят, болтают, переживают айны – мужчины и женщина, взрослые и дети – наивные, простодушные дети природы, еще не оторвавшиеся от своего во многом первобытного образа жизни. Чиновники сидят на фоне ширмы, но что же изображено на ширме? А вот что: большой портовый город с элементами как японской, так и европейской застройки, некоторый вольный гибрид опознаваемых черт и Хакодате, и Нагасаки, а в гавани толпятся суда и японского типа и европейского, даже пароход дымит. Это яркий образ Японии середины XIX в., страны, с одной стороны, тесно сцепленной со средневековьем и даже полупервобытностью, но с другой стороны, уже повернутой к индустриально-капиталистическому будущему. И думается, что Хирасава создал этот образ отнюдь не неосознанно, а глубоко продуманно и внутренне выстраданно.

Или вот рисунок “Ожидание прибытия лодки с японцами”. Берег Хоккайдо. Группа из четырех айнов разводит сигнальный костер. Приближается лодка, гребцы-айны, пассажиры – четыре японца (два чиновника в шляпах и, видимо, двое слуг). Но у рисунка есть второй и третий план. На втором – два острова, на каждом – небольшое поселение, притом, по-видимому, не айнское, а японское. Над поселением побольше – японский синтоистский храм с парой ворот “тории”. За проливом – не менее 8 японских парусных судов. На третьем плане – вырастающий из моря идеальный конус вулкана, далее на горизонте – большая земля с почти таким же конусом. Пейзаж вымышленный, и на Хоккайдо и вблизи Хоккайдо такого пейзажа нет.

Однако остров с вулканом опознаваем. Он очень похож на о-в Атласова с вулканом Алайд в Северной Курильской гряде. И большая земля вдаль вполне может быть Камчаткой. В те времена японцы так далеко не заплывали, но Хирасава мог видеть такие рисунки у своих иностранных заказчиков. И книги японских авторов, на японском языке, с компилятивным описанием Камчатки японцами, и даже с обоснованием желательности колонизации Камчатки японцами давно уже существовали и пользовались популярностью.

Так что практически можно не сомневаться, что в окружении Хирасава в Хакодате тема возможного расширения японского влияния на новые “северные территории” была у многих на устах.

Хирасава Бёдзан был человек неоднозначный. Он был талантливым художником, ему порой покровительствовали влиятельные люди. В то же время он был капризен, чудаковат, любил выпить, причем иногда сверх меры. В общем, это был вполне типичный японский, в значительной мере деклассированный интеллигент, каких в предмэйдзийской Японии середины XIX в., в обществе на грани кризиса и всесторонней ломки, было очень и очень немало. Пил он, как и многие другие люди его круга, наверное, не от хорошей жизни. Когда он не пил, он творил и думал. Что именно он думал, можно угадать, лишь вновь и вновь разглядывая вещи, которые он творил. К счастью, благодаря рецензируемой публикации, теперь у нас есть возможность это сделать.